

поступки. Нет в «Гномах» и того, что на многие годы стало неперменной принадлежностью пинтеровского стиля: атмосферы угрозы и вражды (скрытой или явной). Тот драматизм, который вносит в роман линия Пит — Вирджиния — Марк, в основном выражается в тонких психологических нюансах диалога, в подтексте, предвосхищая пьесу Пинтера «Предательство» (1978). Но эта пьеса целиком посвящена динамике любовного треугольника, а в романе отношения двух друзей и Вирджинии составляют только часть общей картины, «сюжет» которой — молодость, поиски себя, ощущение начала пути, бесконечных возможностей выбора. Вместо стесненного и душного пространства типичной пинтеровской пьесы — открытый мир, в котором герои чувствуют себя как дома. В этом немалую роль играет повествовательное мастерство Пинтера, умеющего одним-двумя штрихами воссоздать лондонскую улицу, набережную, ночной сад. Во время свидания Вирджинии и Пита комнату заливают яркое солнце; позднее в то же окно светит луна, а легкий ветерок приносит

ночную свежесть. Характерно, что через весь роман проходит образ открытого окна: пространство разомкнуто, герои в нем легко дышат и легко перемещаются.

Как мы теперь знаем, Пинтер, перейдя от романа к драме, резко изменил свой стиль, а за этим, как, опять же, ясно сейчас, стояла резкая перемена в мироощущении. Мир, манивший неизведанными возможностями, стал пугающе-непостижимым, вместо распахнутого окна появилась закрытая дверь, через которую каждое мгновение может вторгнуться — и вторгается — враждебная, разрушительная сила. В диалоге «Гномов» время от времени появляются элементы словесной дуэли, — в драмах Пинтера этот прием развит максимально, там слова становятся орудием борьбы и насилия...

Пинтер уже был Пинтером, когда, в 22 года, начал сочинять свой первый роман. Публикация «Гномов» в 1990 году, безусловно, оправданна. Это в полном смысле слова «портрет художника в молодости», творческий и человеческий, который тем более интересен и ценен, что писался с натуры.

В.РЯПОЛОВА

ДЕТЕКТИВ: ВОЗРОЖДЕННЫЙ КЛАССИЦИЗМ

Алистер МАКНЕЙЛ
По красной тревоге

Macneil, Alastair, Red Alert
Lnd., Collins, 1990. 368 p.

Лен ДЕЙТОН
МАМИСТА

Deighton, Len. MAMISTA
Lnd., Harper-Collins, 1991. 410 p.

Терроризм под ультралевыми лозунгами не перестает питать фантазию признанных лидеров детектива. Формула,

по которой сочиняются такие романы, давно известна и в общем почти не меняется. В них должны присутствовать герои, злодеи и простаки. Злодеи — это банда фанатиков или просто уголовников, выучившиеся красной фразеологии. Герои — профессионалы из спецназа, честно делающие свою тяжелую работу. Простаки — чаще всего какие-нибудь близорукие либералы, возмущающиеся в розовых газетах ущемлением демократических свобод. Где бы они со своими свободами очутились без хорошо натасканных немногословных парней, которые лучше кабинетных умников разбираются, что к чему?

Конфликт в принципе исчерпан этими немудреными оппозициями, остается оснащать его занимательными подробностями. Две из них наиболее в ходу: либо тесное переплетение интересов мнимых леваков и наркомафии, либо

обнаруживающаяся под конец связь непреклонных марксистов с финансовой элитой, теоретически составляющей оплот власти. У авторов, тяготеющих к изыскам, прибавляется еще какой-нибудь сексуальный выверт главного злодея. Именно эта причина заставляет его уверовать в учение председателя Мао, чтобы при помощи теории в пух и прах разнести ненавистный такому герою мир.

Читатель с навыком привык не обращать внимания на беллетристические украшения, дорожа в этих текстах одним: умением автора поддерживать напряжение интриги. Сколько бы ни уверяли, что в детективе виден современный мир, на самом деле видна — и то если автор искусен — лишь изобретательность, природа которой сродни дарованию составителей ребусов. Это естественно: детектив — беллетристика такого рода, что нормы жанра оказываются сильнее любой писательской индивидуальности. Можно лишь усовершенствовать эти нормы, но отступить от них хоть на полшага нельзя. Из всех художественных систем самая органичная для детектива, несомненно, классицизм. И пусть не смущает, что действие разворачивается не в Трианоне, а в современной трущобе, и вместо шпаг персонажи ведут поединки на бесшумных пистолетах, да еще выстреливающих шприцы с ядом.

Лишь соображения ложно понятого престижа заставляют авторов, преуспевших в «чистом» детективе, камуфлировать его жесткую структуру, затемняя четкость чередования безвыходных ситуаций, убийств, погонь экскурсами в сферу идеологии, психологии, этнографии или социальной антропологии. Лен Дейтон, уже четверть века с лишним по праву считающийся мастером боевиков на злободневные политические сюжеты, в «МАМИСТЕ» решил посоперничать не меньше как с Грэмом Грином, представив собственную вариацию «Тихого американца» пополам с «Почетным консулом». Действие развернуто в стране, называющейся Испанская Гвиана, и с первых же страниц, описывающих атмосферу ее столицы, — очищенные от проституток и люмпенов центральные кварталы, непролаз-

ная грязь окраин, диктатор-президент, которым манипулируют из Вашингтона, всемогущество тайной полиции — вас преследуют воспоминания о гриновских «Комедиантах». Оба главных героя: Анхел Пас, юный американец испанского происхождения, сбежавший из дома в поисках экзистенциальных приключений, и прошедший через Вьетнам врач-австралиец Лукас — слишком опознаваемо гриновские персонажи, в особенности последний. Его направила в Испанскую Гвиану благотворительная лондонская организация, занимающаяся разработкой лекарств от тропических болезней, и в отряде «МАМИСТЫ» он поначалу чужак, наблюдатель, безучастный к политике, зато очень равнодушный к человеческим страданиям. Ни целей, ни методов повстанцев Лукас так и не примет, но ему логикой событий суждено разделить их судьбу, погибнув вместе с остальными.

Весь этот сюжет — обретение причастности к делу, не внушающему ни сочувствия, ни надежд, попытка следовать кодексу гуманности в чрезмерно политизированном мире — слишком маркирован именем Грина, чтобы заподозрить случайность совпадений. Дейтону хотелось, не жертвуя выигрышными эффектами детективного повествования, насытить интригу этической проблематикой, соприкасающейся и с экзистенциализмом, и с христианской доктриной сострадания. Но слишком неорганичны эти интеллектуальные добавки. Интрига остается как бы обособленной от таких коллизий, именно ее перипетиями определяется подлинное действие, сколь бы подробно ни описывались в романе духовные метания Лукаса и, как бы в противовес, нравственное очерствение Паса, сверх всякой меры увлеченного мальчишеской игрой в войну.

А эта интрига вполне заурядна. «МАМИСТА» — «Мовьмьенто де аксьон марксиста» — сверхрадикальная подпольная организация, поставившая целью свержение диктатуры, чтобы заменить ее обществом кубинского типа. Кризис коммунистической идеологии никак не отозвался ни на программе, ни на тактике этой организации, по-прежнему предпочитающей террор и ге-

рилью, а конечной задачей объявившей построение эгалитарного социума в духе самых безоглядных утопических мечтаний. Используемая для агитации демагогия, непримиримый антагонизм «МАМИСТЫ» и соперничающей с нею группировки «Пекинисты», интриги в верхах, бесправие рядовых — обо всем этом Дейтон пишет со знанием дела, хотя предсказуемость чуть не каждого штриха обедняет впечатление от созданной им картины.

Она становится совсем шаблонной, когда читателю сообщают, что за всеми революционными речами руководителя «МАМИСТЫ» Рамона скрыт всего лишь хорошо просчитанный план обоюдной сделки с ЦРУ. Среди джунглей обнаружено крупное месторождение нефти. Разработки могут начаться лишь после договоренности с «МАМИСТОЙ» — она контролирует эту территорию. И получит от ЦРУ — через подставных лиц, о чем договорился похищенный ею по указанию Рамона агент, — современное оружие. Диктатор тоже не будет позабыт — ему пришлют новейшую технику, а там уж кто кого. Кроме того, в порядке борьбы с наркобизнесом напалмом выжгут территорию, с которой идет сырье для кокаина. Эта территория — пока что оплот «Пекинистов».

О сложной политической игре осведомлен даже хозяин Белого дома. А тем временем ничего не знающие о ней партизаны во главе с Пасом совершают тяжелый рейд по джунглям. Воссоздавая их кровавую одиссею, Дейтон старается придать каждому эпизоду аллегорический смысл — и лишней раз доказывает, что законы детектива слишком строги и обязательны: нельзя ими поступаться, преследуя более престижные художественные цели.

Установка на сюжетное напряжение ради него самого очевидна и на страницах, которые должны были, по замыслу автора, воссоздать драму характеров и драму идей. Художественным результатом оказался малоубедительный гибрид.

Алистер Макнейл, не мудрствуя, доверился испытанной схеме «крутого» детектива, приперчив ее политикой. Злоден — руководство итальянских

«красных бригад», точнее, лидер римской ячейки Кальвьери. По его сценарию с засекреченного завода похищают капсулу, содержащую эликсир, губительный для человечества: получен вирус, но пока не найдено противоядие. Для подобных случаев ООН была создана тайная организация Интерпола с лучшими специалистами из разных стран, включая бывшего резидента КГБ (он, объясняет автор, стал бы теперь — в 1990 году — членом Политбюро, но не сумел скрыть своих либеральных взглядов во времена «застоя», оттого так и остался резидентом).

Эта организация (ЮНАКО) накопила достаточный опыт борьбы с терроризмом, причем особенно блистают капитан Майкл и Сабина, изучавшая философию в Сорбонне, а потом решившая, что укрощать террористов романтичнее, чем корпеть над Сартром. На протяжении стремительно развивающегося действия Майкл и Сабина раз десять окажутся на волосок от гибели, но, когда «положительные герои» приперты к стене, они магическим образом выворачиваются, посрамляя «отрицательных героев». И действие несется дальше — к новым перестрелкам, когда пули проносятся непременно в миллиметре от виска героев, а злодеев они поражают без промаха, к рукопашным схваткам, заканчивающимся для героев царапиной у самого сердца, а для террористов — ударом точно в сонную артерию, к поединкам на снежных склонах Альп, в небе над греческими островами, на венецианских каналах, на крышах пятизвездных отелей.

Кульминация — опытный читатель мог бы и догадаться — произойдет во время европейского саммита. Кальвьери, угрожая разбить капсулу, требует неслыханных отступных и выкрикивает ужасно прогрессивные лозунги, хотя на самом деле выполняет инструкции одного заинтересованного в вирусе магната и прикидывается, как сам будет смотреться во главе итальянского кабинета (пустив потопию по ложному следу, он заодно прикончил всех своих соперников по руководству «красными бригадами»). Положение катастрофическое, но законы детектива требуют, чтобы порок был наказан. Майкл с Сабинной — само

собой, ровно за четыре минуты до срока, поставленного ультиматумом, — обезвреживает капсулу, а затем быстренько отправляет на тот свет сообщников Кальвьеры. Пощекотав нервы легковерным, Макнейл под конец их успокаивает: с ЮНАКО как-нибудь не пропадем.

Лавры серьезного писателя, который озабочен проблемами человеческого существования в наш век, Макнейлу не нужны. Он откровенно создает то, что в

англоязычном издательском мире именуется page-turner, — книжку, заставляющую читать себя. По строгому счету, вряд ли детектив когда-нибудь приобретет признание в силу иных достоинств — нормативность классицизма в наше время несколько устарела. Но любой жанр имеет свои границы, а умелому автору не тесно, и в тех непросторных, которые очерчены детективом.

А.ЗВЕРЕВ

УИЛЛИ РАССЕЛЛ

Воспитание Риты. Парни и куколки

Russell, Willy. Educating Rita. Stags and Hens. Blood Brothers — London, Methuen, 1991. — 232 p.

О драматурге Уилли Расселле не написано на русском языке ни строчки. Кажется, и имя его никогда не упоминалось в той «обойме» драматургов — как правило, постоянной и довольно однообразной, — что фигурирует в написанных у нас статьях о современном английском театре. Впрочем, и сами эти статьи в последние годы пишутся все реже и реже, интерес к современной английской драматургии, столь бурный некогда, как-то сильно увял, и многие незаурядные события и явления ускользнули от нашего внимания, хотя в последние годы драма Великобритании явно переживает полосу очередного подъема. В число этих «проигнорированных» фактов английской театральной жизни входит и творчество Уилли Расселла. Между тем Расселл — отнюдь не новичок в театре. Он дебютировал в начале 1970-х годов, почти сразу же его пьесы с провинциальных сцен перешли на столичные, получая восторженные отзывы, престижные премии критиков, удостаиваясь киноэкранизации. Известность Расселла никогда не носила характера сенсационности, он, кажется, не примыкал ни к каким течениям —

просто писал и размышлял о том, что ему близко, понятно и интересно. И завоевывал публику не поверхностной «актуальностью», но глубинной значимостью, психологизмом, гуманистичностью своих воззрений. Все сказанное относится в полной мере и к тем трем пьесам, что составили настоящий сборник, включивший лучшее из написанного драматургом, наиболее совершенные и зрелые его произведения.

Действие пьесы «Парни и куколки»